

3. Кирьянов Д.В. Наука и религия: многообразие методологических подходов // Труды Тобольской Духовной семинарии. Выпуск 2. Тобольск: Тобольская Духовная семинария, 2011. С. 117-134.
4. Комлева Е.В. Рефлексия ядерно-нефтегазовой ситуации Севера Европы: интересы и потенциал Германии как партнера России // Геофизический журнал. Киев, 2008. Т.30. №2. С. 3-31.
5. Комлева Е.В. Антропосоциоядерный феномен // Век глобализации. 2011. №2. С. 140-149.
6. Комлева Е.В. Геологические, экологические и политические аспекты хранения и захоронения ядерных материалов // Геофизический журнал. Киев. 2012. Том 34. №6.
7. Литвинский Г.Г. Священные заповеди горняка // Форум гірників-2012: матеріали міжнар. конф. Донецк, 2012. Т.1. С. 7-16.
8. Осипов А.И. Аудио-лекции. Режим доступа: http://www.aosipov.ru/audio/audio_obshchii_spisok_leksij.html.
9. Приветствие Патриарха Московского и всея Руси Алексия II участникам слушаний «Ядерные вооружения и национальная безопасность России». Режим доступа: <http://pravsa.gov.nne.ru/content/publication/461/552/486/518.html>.
10. Физики без священников — современные папуасы. Беседа с сотрудниками Российского федерального ядерного центра, г. Саров // Фома. Православный журнал для сомневающих. 2003. №2.
11. Ethics and weapons of mass destruction: religious and secular perspectives / edited by S.H. Hashmi and S.P. Lee. Cambridge, 2004. 533 p.
12. Garrison J. The Darkness of God: Theology after Hiroshima. London: SCM Press, 1982, 238 p.
13. Hocke, P., Grunwald, A. Wohin mit dem radioaktiven Abfall? Perspektiven für eine sozialwissenschaftliche Endlagerforschung. Berlin, 2006: Sigma, 157 s.
14. Jaspers K. Die Atombombe und die Zukunft des Menschen: politisches Bewusstsein in unserer Zeit. Munchen, 1958, 506 s.
15. Weinberg A. Social Institutions and Nuclear Energy. In: Science 177 (1972), S. 27-34.

*Ю. М. Конев, А. Ю. Конев (г. Тюмень),
Д. В. Кирьянов (г. Тобольск)*

МИССИОНЕРСКАЯ ДЕЯТЕЛЬНОСТЬ РУССКОЙ ПРАВОСЛАВНОЙ ЦЕРКВИ И РАСПРОСТРАНЕНИЕ ГРАМОТНОСТИ СРЕДИ КОРЕННЫХ НАРОДОВ СЕВЕРО-ЗАПАДНОЙ СИБИРИ В XVIII — ПЕРВОЙ ПОЛОВИНЕ XIX в.

До начала XIX в. инициатором распространения грамотности среди «ясашных иноверцев» и главным действующим субъектом этого процесса выступала Русская Православная Церковь. Митрополит Филофей Лещинский еще в 1706 г. просил в своей челобитной Петра I указать, что бы у обращающихся к христианской вере взять «робяток десятков и другой» и «учить их Божественнаго писания» [Буцинский 1893: 53-54]. Получив монаршее одобрение и поддержку со стороны первого Сибирского губернатора М.П. Гагарина, Филофей, вторич-

но управляя епархией, писал в 1718 г. заказчику, архимандриту Верхотурского Николаевского монастыря Сильвестру, что во исполнение указа государя и приказа губернатора «велено с новокрещенных набирать робят и их учить грамоте ... а буде возможно и в Тобольск отсылать в дом архиерейский ... ко учению, где многие новокрещенных робята учатся грамоте» [Сулоцкий 1854: 54-55]. Подтверждение того, что в архиерейской школе, открытой Филофеем, обучались новокрещенные из остяков находим в донесении за 1727 г. учителей Тихона Карпова и Михайло Лукашевича на запрос Синода, где, в частности, говорилось о том, что эти остяцкие дети «одеждою и пищею довольствуются от дому архиерейского» [Пекарский 1862: 120-121]. Естественно, что на этом этапе главная задача обучения немногочисленных представителей автохтонного населения состояла в подготовке из них священнослужителей и надзирателей для приходов новокрещенных остяков, вогулов и других народов Сибири. Владея языком своих соплеменников, они могли бы более успешно распространять между ними «знание истин веры и правила жизни христианской». А.И. Сулоцкий приводит в пример одного из сыновей кондинского князца Сатыги, ставшего причетником в селе Сатыгинском и Петра Тунгуса, бывшего келейником Филофея, а после письмоводителем в Тюменском заказном правлении [Сулоцкий 1854: 55].

Изложенные выше факты позволяют не согласиться с категоричностью суждения В.Н. Татищева, будто бы крещение сибирских язычников при Филофее заключалось лишь в формальном обращении таковых в новую веру: «он не более сделал, как их перекупал, да белыя рубашки надевал; и оное в крещение причел» [Татищев 1887: 106]. Эта точка зрения получила широкое распространение в исторической литературе. Тем не менее, еще Сулоцкий обратил внимание на усилия митрополита-схимника по окормлению со стороны Церкви и государства новообращенных, ибо они, по словам преосвященного, «суть древа новонасажденные, требующия частаго отребления и охранения, пока не укореняться совершенно». Усилия эти были направлены, прежде всего, на возведение храмов в местах массового крещения, создание института заказчиков, обязывавшихся посещать два раза в год жилища новокрещенных с целью назидания и наблюдения за их верой, и надзирателей — для защиты от обид со стороны ясачных сборщиков. Наконец, действия по распространению грамотности среди детей новокрещенных должны были заложить наиболее прочные основы в деле христианского просвещения иноверцев. Сам Филофей в силу возраста и состояния здоровья не мог реализовать все намеченные им планы, а его ближайшие приемники имели ограниченные возможности и средства как в подборе достойных людей для проповеди Евангельской среди сибирских иноверцев, так и для продолжения инициатив Лещинского в деле обучения новокрещенных. Поэтому соображения Татищева относительно устройства школ, в которых бы «русские младенцы их [иноверцев] языка, а их младенцы русской грамоте, языка и закона Божия учиться возможность имели», и напечатания для этого книг на языке туземных народов (как в Швеции для лапландцев) [Татищев 1887: 107], были весьма актуальны. Не случайно, что именно по инициативе Татищева в 30-х гг. XVIII в. начата работа по изучению языков уральских и сибирских народов. В частности, И. Куроедовым в 1736 г. был составлен первый, правда, очень краткий вогульский словарь [СПФ АРАН. Ф. 21. Оп. 5. Д. 149. Л. 427-429]. Известны также «Латинско-вогульско-остяцкий словарь» и «Краткой вогулической словарь с российским переводом, собранный и по разным материям расположенный города Соликамска Свято-Троицкого собора протоиереем Симеоном Черкаловым 1785 года» [СПФ АРАН. Ф. 94. Оп. 1. Д. 184. Л. 1-15.; Д. 178. Л. 1-6].

В этой связи интересно отметить, что, несмотря на приостановление распоряжением Сената с 1789 г. действий миссионеров в Северо-Западной Сибири, здесь в самом конце XVIII — начале XIX в. предприняты попытки перевода на вогульский (мансийский) и остяцкий (хантыйский) языки священных текстов и молитв. Управлявший с октября 1768 г. Тобольской и Сибирской епархией архиепископ Варлаам I (Петров) обратил особое внимание на знание приходскими священниками в ясачных волостях языка «новокрещенов». Предписывая в 1793 г. присылать из

северных приказов в консисторию ежегодные рапорты о деятельности местных священников по наставлению в вере новокрещенных и соблюдению последними правил христианской жизни: говения, причащения Святых Тайн, посещения церковных служб, архиепископ велел «молитвы, Символ веры, заповеди перевести для толкования им, для лучшего понятия, их языком». Переводы следовало направлять на рассмотрение в Тобольск. В ответ в 1794 г. из Туринского заказа был прислан рапорт священника Верх-Пелымской Спасской церкви Алексея Рычкова о переводе на язык вогулов священных текстов и об обучении вогулов молитвам, а также сами переводы символа веры, десяти заповедей, некоторых молитв [ГБУТО ГА в Тобольске. Ф. 156. Оп. 4. Д. 1526. Л. 1, 13-16]. Судя по всему, это был первый такого рода опыт в Тобольской губернии. В 1817 г. на вогульский язык была переведена Священная история, как полагает Н.А. Миненко, священником Львом Рычковым. В 1820 г. усилиями открытого в Тобольске отделения Российского Библейского общества, на остяцкий и вогульский языки переведен Новый Завет и несколько молитв. Эта работа осуществлялась под руководством протоиерея Тобольского кафедрального собора Петра Фелицина [Очерки истории Югры 2000: 242-243].

По сведениям Е.М. Главацкой, почерпнутым из фондов Российского государственного исторического архива (г. Санкт-Петербург), рукописи переводов «Священной истории для детей», «Катехизиса», «Десятословия», молитв «Царю Небесный» и «Отче наш» в 1821 г. были направлены на рассмотрение в Духовно-цензурный комитет при Санкт-Петербургской Духовной Академии. Членом комитета, архимандритом Поликарпом были сделаны замечания. Он принципиально не возражал против публикации рецензируемой Священной истории, прилагаемого к ней краткого христианского нравоучения, а также молитв и десяти заповедей при условии исправления некоторых мест. А вот по поводу печатания Евангелия от Матфея и Марка на вогульском и остяцком языках архимандрит категорически возражал, так как в этих переводах были, вероятно, допущены непростительные вольности [Главацкая 2006: 253].

Таким образом, на протяжении XVIII — начала XIX в. были сделаны первые шаги в деле распространения грамотности среди автохтонных народов региона. Будучи тесно связанными с процессом христианизации эти мероприятия носили миссионерский характер и преследовали целью познакомить язычников с основами православной веры и христианского мировоззрения. Решая эту непростую задачу священники, служившие в среде новокрещенных, в свою очередь, становились более сведущими не только относительно быта, но и языка своих прихожан.

Возобновление с конца 20-х гг. XIX в. миссионерской деятельности в Нижнем и Среднем Приобье и расширение в 1840-50-х гг. сети училищ, созданных при церквях в волостях инородцев [Мавлютова 2001: 84-87], требовало подготовленных кадров. Архиепископ Евгений Казанцев еще в 1829 г. представил в Синод целую программу мероприятий относительно подготовки, в том числе языковой, миссионеров в Тобольской семинарии. Она предусматривала изучение теми, кто пожелал быть миссионерами остяцкого, вогульского, самоедского и татарского языков, прохождение этими семинаристами своеобразной практики, путем «посылки в сами жилища инородцев на известное время», приобретение навыков перевода священных текстов на соответствующие языки. Но предложения эти не нашли практической реализации. Ректор Тобольской семинарии архимандрит Венедикт в 1847 г., признавая в целом мнение архиепископа Евгения «как основательно полезное», считал, что посылать миссионеров, если иметь в виду север Тобольской губернии, целесообразно только к самоедам, ибо остяки и вогулы, как давно крещенные, «почти все имеют церкви и священников, кои, живя постоянно между ими, без сомнения понимают их язык и, зная их нравы и обычаи, могут действовать на их с большей пользой, нежели миссионеры, вовсе не знакомые с их образом жизни». К тому же с 1836 г. существовала миссия в Кондинском монастыре. Относительно преподавания самоедского языка (как и некоторых других инородческих языков) в Тобольской семинарии архимандрит Венедикт, в своем рапорте на имя Тобольского и Сибирского архиепископа Георгия сообщал, что оно невозможно, так как нет знатоков «ни между наставниками семинарии, ни

между духовенством тобольским». Поэтому он предлагал осуществлять «обучение языкам инородцев в самих жилищах их посредством обращения с ними». Ректор семинарии отметил, что 17 воспитанников выразили желание встать на трудную стезю миссионерства [«И здесь появляется заря христианства» 2003: 65-68].

В соответствии с журнальным определением Тобольской духовной консистории от 20 декабря 1848 г., касавшегося миссионерской деятельности и вероисповедания инородцев, предлагалось в состав отделений Кондинской миссии ввести помощников миссионеров из числа учеников семинарии, окончивших курс богословских наук. Эти помощники должны были «кроме обучения русской грамоте инородческих детей, ... обучать их и на природном остяцком и самоедском языке русскими буквами», но только когда сами они приобретут «достаточное сведение в инородческом языке и когда составится грамматика» [«И здесь появляется заря христианства» 2003: 75].

Таким образом, предполагалась подготовка таких пособий, которые бы позволяли перейти к образованию инородцев на их родных языках и наречиях. Пройдя путь первых опытов перевода священных текстов, Церковь в Сибири, совершенствуя методы и формы Евангельской проповеди и развивая обучение русской речи, ставит задачу разработки на основе кириллического письма грамматических основ языков ханты, манси и ненцев.

В исторической литературе достаточно подробно освещена деятельность миссионеров севера Тобольской губернии в XIX в., в том числе их работа по переводу на языки аборигенных народов священных текстов, молитв [Очерки истории Югры 2000: 242-246; Мавлютова 2001: 91-93]. Переводческая деятельность подвигла миссионера Луку Вологодского и протоиерея Петра Попова к систематизации словарного запаса аборигенных языков Нижнего Приобья путем составления словарей, а также остяцкой и самоедской азбук. Известно, что академики Императорской академии наук Шегрен и Шифнер достаточно высоко оценили «остяко-русский словарь» Л. Вологодского и «остяко-самоедско-русский словарь» П. Попова, но по разным причинам их окончательная доработка не была завершена, и они не были опубликованы. Рукописи этих словарей осели в фондах Академии наук. Учитывая значимость данных трудов как для истории языка и культуры народов Обь-Иртышского Севера, так и для истории Русской Православной Церкви в Сибири, авторы данной публикации предлагают совместными усилиями светских ученых в области языкознания и сибирской истории, церковных историков, всех заинтересованных лиц предпринять научное переиздание названных словарей.

Литература

1. Буцинский П.Н. Крещение остяков и вогулов при Петре Великом. Харьков. 1893.
2. Сулоцкий А.И. Филофей Лещинский, митрополит Сибирский и Тобольский// Временник императорского Московского общества истории и древностей Российских. Кн. 20. М., 1854. С. 1-56.
3. Пекарский П.П. Наука и литература в России при Петре Великом. Т. 1. СПб., 1862.
4. Татищев В.Н. Разговор о пользе наук и училищ. СПб., 1887.
5. Очерки истории Югры / Отв. ред. Д.А. Редин, Н.Б. Патрикеев. Екатеринбург, 2000.
6. Главацкая Е.М. Религиозные традиции хантов и их изменения в XVII — XX вв. Дисс. ... д. ист. наук. Екатеринбург, 2006.
7. Мавлютова Г.Ш. Миссионерская деятельность русской православной церкви в Северо-Западной Сибири (XIX — начало XX века). Тюмень, 2001.
8. «И здесь появляется заря христианства...» (Обдорская миссия 30-е — 80-е гг. XIX в.): Источники / Сост., вст. ст. и коммент. В.Я. Темплинга. Тюмень, 2003.